

ХУДОЖНИКИ

Источник: Пантелеймон Романов. Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (<http://belolibrary.imwerden.de>), 20 августа 2002.

В государственном писчебумажном магазине стояла перед прилавком очередь человек в пять.

Продавец выписывал чеки и путался в чековой книге, подкладывая листы переводной бумаги.

-- Поскорей, батюшка,-- говорила подслеповатая старушка в большом платке, стоявшая первой в очереди,-- что ты уж очень долго копаешься-то?

-- Что копаюсь! Листы слипаются, дуешь-дуешь на них целый день, даже губы заболели. А тебе что нужно-то?

-- Да мне конверт за копейку.

-- Синий или белый?

-- Белый, голубчик. Да ты мне без бумаги отпусти, что ж бумагу из-за копейки тратить, ее больше испишите, чем товару продадите.

Продавец, нагнув голову, посмотрел на старуху поверх очков.

-- Ты в какой магазин пришла? -- строго спросил он.

-- Как в какой? -- Ну, в казенный...

-- Не в казенный, а государственный. Тут об каждой копейке должны отчет дать. Поняла?

-- А я, батюшка, заплачу кассиру копейку, а он тебе крикнет, что я заплатила, ты и запишешь.

Продавец, еще ниже нагнув голову, снова посмотрел на старушку поверх очков.

-- Что же, мы и будем, как сычи, перекликаться?! Какая, подумаешь, наставница выискалась. То-то бы тебя за отчетностью смотреть поставить, одного крику не обобрался бы. Получай вот лучше.

-- Это что же, все три листа мне?

-- А то сколько же?

Старушка с сомнением посмотрела на листы, где было написано: год, месяц, число и на большом чистом пространстве с линейками стояло: "1 коп.-- 1 коп.". Потом нерешительно пошла к кассе.

Продавец иронически посмотрел ей вслед поверх очков.

-- Наш народ к отчетности приучить -- все равно, что в новую веру его окрестить,-- сказал он, уже обращаясь к следующему покупателю, черному гражданину в очках и в больших валеных ботах с торчащими из-под шубы ушками.

-- Не привыкли,-- ответил тот, пожав плечами.

-- Оно, конечно, невежественному человеку кажется, что все это напрасно: товару на копейку, прибыли от него и вовсе одна десятая копейки, а расходу тоже, глядишь, на полкопейки, да еще рабочее время сюда причесть: иной раз слюнявишь-слюнявишь пальцы,-- покупатель уже на двор захочет, пока ты эти листы разберешь. Зато мы убытку не боимся. Ведь по нашей торговле взять бы нас да по шее. Потому что наторговали всего на два шиша с половиной, а расходу столько, что нас всех, что тут есть, ежели со всеми потрохами продать, того не выручишь. А мы спокойны: ревизия приедет, спервоначалу схватится за голову, пыль поднимет. Один дефицит сплошной. А мы на это: "Извольте отчет поглядеть сначала, а кричать потом будете". Как выволокешь им вот этакую стопочку, да покажешь, они попрыгают-попрыгают, и сказать нечего. Еще руку пожмут в благодарность за строгий учет.

-- Значит, отчеты влетают в копеечку? -- спросил следующий покупатель, маленький человек без шапки, с поднятым барашковым воротником.

-- А как же не влететь-то?

-- Иван Сергеевич, рубля не разменяете? -- спросил кассир.

-- А у вас-то неужто нет?

-- Да нету еще, не набралось ничего, -- сказал кассир, с недоумением отодвигая то один ящик, то другой. -- Вот нелегкая принесла, товару на грош, а хлопот от тебя не оберешься. Сейчас, подожди тут. Сядь вон на диванчик.

Кассир ушел куда-то.

-- Мы-то еще ничего, -- сказал продавец, -- обороты у нас пустяковые, а вот какой-нибудь трест возьмите или фабрику, -- вот где дела-то делают!.. Мне знакомый один рассказывал -- у них в тресте девятьсот тысяч один отчет стоил. Вот это я понимаю. На трех извозчиках везли! Весь баланс их к черту